

РОДИНЫ (ОРЛОВСКАЯ ПОВИТУХА)

Обрадовавшись Аниному появлению в её одичалом жилище, бабка Лиза, оглядела довольным взглядом выпирающий из-под вязаной шали правнучкин живот, заявила: «Много детей бывает, но «лишних» Бог никому не посылает». И, проводив гостью в горницу, тут же начала подчивать.

- Может, тебе, девица, чего-нибудь нашенского деревенского хочется? Сальца или кислушечки? Я щас, мигом!

- Не суетись, бабуль, отдохни, - жалела хлопотную Лизку Аннушка.

- Как же – не суетись! Не накормить тебя – взять тяжкий грех на душу. Ведь хлебушко просишь не ты, а во чреве твоём младенец. «Тяжёлой» у нас всегда ни в чём не отказывали.

- А что так? – чуть улыбнулась Аня.

- Ну да, говорят, мыши за это добро съедят, а не то – сгниёт, - со знанием дела проговорила Лиза.

Бабка верила в «сглаз», а потому ни единая душечка не знала на хуторе, что у неё гостует правнучка на сносях. Даже с почтальоншей Машуткой Прониной, что наезжала на велике раз в неделю на хутор, не велено было Аннушке встречаться. Девка-то почтарька незамужняя! А коли такая раньше сроку прознает об Анином интересном положении, считала бабка, так и придётся бедной роженице отмучиться за каждый волосок на Машуткиной голове. Да и зачем в таком деле лишние глаза? Не напрасно ведь считают, чем больше людей посвящено в тайну предстоящих родов, тем дольше они будут тянуться.

Лизкина избушка прилепилась под высоченным вязом на краю околицы. Давно уж никто не заглядывал к престарелой повитухе. Кому рожать-то? Отрожалась... На хуторе три бабки да дед Гераська. Глушь... Лишь изредка летом, да иногда по выходным растревожат Ельники нечаянные детские голоса, и опять невесть на сколько зависнет над хутором тягостная дремучая тишь, беспробудно убаюканная полчищами никем не пуганных кузнечиков.

В этой глухомани дожидалась Аннушка своего срока. Бабке Лизавете она не перечила, дивясь её «профессиональным» причудам. По приезду взяла она на себя кое-какие житейские обязанности: горенку прибрать, гераньки полить, подсолнушков нашелушить. А вот к колодцу бабка запретила «тяжёлой» правнучке напрочь приближаться, мол, вода «дурной» делается.

- Не утруждайся, милая, ты ить и так «непраздная», - любила приговаривать Лизка.

- Как же «непраздная», бабуль? – любопытничала Аня.

- Дак делом занятая, дитячко поджидаешь, кормишь, оберегаешь. Велико дело сполняешь – из зёрнышка росточек выращиваешь. Бабка моя певала про то, позабылась песня, помнятся лишь несколько слов из ей: «Меня батюшка

засеял, меня мать родила...». Ты ведь как мать-землица теперь, урожая дожидаясь. Дай, Господи, вам с Митрием деток поболее. У кого чадунюшек много, тот не забыт у Бога... Да чтоб здоровенькие. Припомни, милая, не в пятницу ли зачала? Ох, и горюшко, коли в пятницу, не избежать беды. А того хуже, коли в двенадесятый праздник.

- День в день не скажу, но, верится, всё обойдётся.

- Дай-то Бог, девонька, дай-то Бог! Надобно Святым Великомоченицам Варваре да Екатерине помолиться, а то Марии Египетской.

Однажды старая предупредила: «Гляди, Анна, чтобы завтра ни к чему не прикасалась! Велик праздник – Рождество Богородицы. В твоём положении преступать Божии заповеди никак нельзя! И Митрию позвони по своей штуковине (бабка сотовый телефон так называла) да предупреди, чтобы в праздники – ни-ни, ничегошеньки не делал, не вострил, не забивал. А то опосля дитё с заячьей губой от этого зародится!»

От скуки ли, спасаясь ли от бабкиных запретов, спряталась Аннушка на лавочке в саду, прихватив начатое ещё дома вязание. Лизавета догляделась-таки, расшумелась на правнучку: «Ты что жа, хочешь, чтобы дитячко твоё в родимых пятнах на свет Божий появилось?» И, отобрав вязание, закинула его подальше на поветь.

И чего только не опасалась Лизавета, оберегая правнучку: и переступить-то через оглобли и коромысло, чтобы ребёнок горбатым не родился, нельзя, через плоды перешагивать тоже не смей – не дай Бог «скинешь». А чтобы роды тяжёлыми не были, через острые предметы тоже не ступай. Чтобы пуповина ребёночка не обвила, не советовала бабка Аннушке брать в руки ни вожжей, ни какой-либо иной верёвки.

- Как жить? Прямо не знаю! - сетовала Аня.

- А как бабки наши береглись? Так и ты блюди себя. Особо берегись в дни кривых недель...

- Это что ж за такие недели? Я и слыхом не слыхивала о них.

- Дак знамо дело – две недели Святков, после Пасхи опять же - духовская да масленичная.

Лизка не могла взять в толк, как это можно женщине не знать таких простых вещей, от которых зависит не только её собственная жизнь, но и благополучие дитяти, которое носит она под сердцем. Аня же, в свою очередь, так и не поняла, что за кривые недели имела бабка в виду.

- Детское-то заготовила, ай нет? – интересовалась бабка у Анюты.

- Накупила-нашила сполна, - делилась радостью правнучка.

- А вот с этим ты поспешила, ещё мамки наши побаивались заране-то собирать, а то дитё не выживет.

Заприметив в Аниных руках сросшийся огурец, бабка поспешила отобрать.

- На что тебе двойня-то? Хоть бы с одним для начала справилась.

Оберегая Аннушку, спровадила Лизавета кота Фомку харчеваться на другой конец хутора к деду Гераське. Но обиженный кот выскальзывал даже через дымоход. Изрядно почистив своей белогористой шерстью дедову трубу, он, как ни в чём ни бывало, к вечеру, возвратился восвояси, на Лизкино подворье.

- Суций сотан! - приговаривала Лизавета, окуная кота в кадуюшку с дождевой водой и натирая хозяйственным мылом.

Кот дико орал и вырывался. Аннушка заспешила на помощь, но повитуха запротестовала.

- Ишь чего удумала! Я ж тебе сказывала: не след на сносях к зверью прикасаться, а пуще того – гладить.

Через облетающий осинник от Лизаветиной хатёнки виднелись покосившиеся кресты и оградки заброшенного погоста. Как-то спозаранку, прихватив мотыжку да грабельки, отправилась бабка «могилочки на зиму прибрать». Поскучав до полудня на дворе, Аннушка поспешила покликать бабку домой. Только к воротам кладбищенским приблизилась, выскакивает Лизавета, да ну правнучку чистить!

- Али ты совсем ополоумела! Кто ж с нерожденным дитяткой к заупокойникам ходит? Чтоб ноги твоей за версту от погоста не было! Тебе куда сказано поболее заглядывать?

- Да помню, помню я, бабуль!

- А коли помнишь, так и ходи, на красоты нашенские любуйся. Бог даст, девчушка видной да здоровой народится.

- С чего это ты решила, что у меня девочка? – засомневалась Аннушка. - Митя сына хочет.

- Мало чего Митрий твой хочет! Кого сделал, того и получит! – выпалила, не моргнув, бабка.

Аннушка откинула шаль.

- Все приметы на девку указывают: и пополнела ты не в меру, и живот округленный. А помнишь, я у тебя спросила, кого, мол, поджидаешь? Дак ты сконфузилась, покраснелась – верный признак, девка ... Не сумливайси, ещё не разу на своём веку не ошиблась. Вот кабы ты не законфузилась да пузо-то «тычком» вышло, тады уж точно – малай, а у тебя, ты уж поверь старой повитухе, - девка, как есть девка.

- УЗИ, - заспорила Аннушка, - показывает мальчика.

- УЗИ, бузи! Я тебе что говорю? Девка! Вот приедет ноне к соседке внучонок Колька, я призову, проверим коли сумливаешься.

- Это ж как проверим? – насторожилась Аня.

- А вот увидишь. Опосля с бабкой спорить-то и не станешь, - ухмыльнулась Лизавета.

К вечеру привела пятилетнего Кольку, усадила за стол, а на скатерти разложила напёрсток, трубку, платок и кнут.

- Ну-ка, Кольша, выбери, что приглянулось, - попросила она мальчика.

Не раздумывая, Колька потянулся за напёрстком.

- А я что сказывала, - торжествовала бабка, - девка у тебя, девка! Бабья это вещица-то!

- Технику не обманешь! – пыталась сопротивляться Аннушка. Уж так ей хотелось угодить мужу.

В последних числах сентября примчался Дмитрий, доложил, что ремонт городской квартиры, который он затеял месяц тому назад, наконец-то закончен. Надо срочно возвращаться, уже и врач из поликлиники оборвала телефон, устраивает разнос за разном, мол, куда роженицу подевал.

- На ночь глядя на сносях в путь не отправляются. Вот завтра с утра и тронитесь, - решительно заявила бабка.

Внимательно посмотрела на Аннушку, и, ничего более не добавив, шмыгнула в чулан. Вернулась, сложила стопкой принесённое бельё, юбку да кофточку сатиновую. Всё чистое, сундуковое. Избёнку молча до чиста вымела, выскоблила. Покуда молодые вечерили (правнучке бабка подала бруснику в молоке, «чтобы дитячко родилось румяным да белым телом»), мотнулась в светёлку, под Анину подушку положила (от нечистой силы) нож, три слепленных вместе восковых свечи да травок, каких следует. В горенке приставила ухват рогами к печи да перекрестила загнетку.

А как спать идти, заглянула к Аннушке в светёлку (молодые обустроились на летней половине, ещё тепло, в горнице душно). Митя до темна возился на подворье с машиной, мешать разговору некому, а потому бабка без окольных путей, напрямки подступила к Аннушке.

- А что жа, девонька, во Господа - то веруешь?

- Верую, бабушка, как не веровать!

Анюта вспомнила, как перед самой свадьбой неожиданно для родителей пошла она в Афанасьевскую к отцу Мефодию, долго толковала с ним, а на Воздвиженье окрестил её батюшка. Поздравляя, заметил, мол, в Велик день стала ты Анна христианкой, ныне кресты на церквах да по обочинам дорог водружают, и у тебя с сего дня на груди наш православный крестик. Береги, никогда не снимай.

- Ну, коли во Христа веруешь, так и помолиться бы нам нынче совместно не худо. Общая молитва-то она посильнее будет. Глядишь, и расслышат её небеса. Падём к стопам Великомученицы Анастасии, именуемой Узорешительница, ниспросим подаiania тебе помощи да сил в родах, а ребяточку благополучного появления на свет Божий.

Показавшийся на пороге Митя прикрыл дверь и удалился в сени. Обнаружив перед образами двух женщин – престарелую повитуху, принявшую на руки не один десяток младенцев, его прабабку, и молодую жену, ожидавшую первенца, не посмел он нарушить таинства, совершаемого ими накануне появления долгожданного ребёнка.

Присев на завалинку, не заметил он, как погрузился в сон. Но долго ещё вслушивалась дремотная сентябрьская тишь в доносившийся из-за тюлевой занавески шёпот, не разбирая уже, где Лизаветин, где Аннушкин.

И если бы вышел в ту пору на другом урынке дед Гераська перекурить или дохнуть свежими воздухами, даже он разглядел бы подслеповатыми своими глазами тончайший, но пронзительный сноп света, поднимающийся прямо над Лизаветиной хатой и устремляющийся, прорезая павшее на хутор небо, в непроглядные выси, разыскивая в небесах Господних Богородицу и Пресвятую Анастасию.

Томная ли сентябрьская ночь, кот ли Фомка нашкодил, стянул тряпицу с надтреснутой молочной махотки, забытой на лавке под вязом. Пролилось пахучее козье парное, а быть может, и не оно это вовсе, а кипящее, булькающее повитухино зелье. И растеклось, разбежалось курящимся ручейком в Гаврюшину долину, слилось-заклубилось с приречными туманами, и, развернувшись в Стёпкиной колдобине, могучими валами беззвучно возвратилось к Лизкиной избушке. Первозданная... первородная тишь... словно накануне чего-то великого. Чего? О том в эти минуты догадывалась, а может, наверняка знала древняя повитуха.

Видать, потому и не спалось ей в эту ночку, вовсе не ложилась. Чем занималась бабка в своей горенке, один Бог ведал. И если бы у деда Гераськи не подъялся самосад, и он вышел бы курнуть второй раз, перед зарёй, то услышал бы, как клекотнул колодезный журавель, как, звякнув цепью, хлюпнула бадья в Мишурином колодце, как с Лизкиного подворья, со стороны бани, несколько раз глухо ударил колун, как защёлкал ему в ответ лёгонький топорик, и снова всё стихло. Но спустя полчасика заметил бы дед, как из ветхой трубы повитухиной баньки на поблёкший небесный сатинчик поползли перламутровые дымки. Потянуло рябиновыми дровишками (чтоб нечистого отогнать), дубнячком (для крепости здоровья), берёзовыми смолками (для красоты), Бог весть ещё какими ароматами. Баньку для важного дела, затевавшегося в повитухиной хате, топить надобно умеючи. Сколько таких-то парилок на своём веку подготовила повивалка, уж и со счёту сбилась. Да и не важно! Главное, чтобы и на этот раз (может, на Лизкином веку последний) всё разрешилось благополучно.

Как только над Лазоревым лугом разродилась ранняя заря, в светёлке послышался шёпот, Аннушкины стоны, и босиком, застёгивая на ходу рубаху, в горницу рванулся Митя.

- Началось! – только успел выпалить, как послышался громкий Аннушкин крик.

Митя поразился, как неспешно встала Лизавета с колен, перекрестилась три раза на образа и, обернувшись к правнуку, промолвила: «Ну и в добрый час! Всю ночушку дожидаясь».

Глядя на бабку, на её неспешные, уверенные движения, будущий отец почувствовал, как душа его настраивается на такой же лад, невольно подумал: «Только бы Аня выдержала, а бабка не подведёт!»

- Не мутусись! Не мутусись! – осадил Лизавета Дмитрия. Говорю ж тебе, с вечера сготовилась, дожидаясь.

Только тут заметил правнук, что бабка переделалась во всё свежее, на ногах новые ходоки, на лавке стопою чистые простыни и полотенца.

- Я - к Аннушке, а ты – за соседкой Митривной, - решительно скомандовала бабка, - надоть, чтобы пособила, да и бабонька она счастливая, такую до роженицы допустить не грех. Да, забеги-ка в баньку, отнеси полотенца.

Митя как был, босой, метнулся под гору за Митривной, полагаясь всем сердцем на повитуху. А что ему оставалось делать? На десять вёрст ни души в деревнях, до райбольницы уже не поспеть. Бабка Лиза сейчас и главврач, и гинеколог, и акушерка в одном лице. Ей и карты в руки.

Лизавета считала, что в момент появления нового человека на свет грань между потусторонним миром и миром людей так тонка, что беспрепятственно пропускает через себя всяческую нечисть. А потому не гнушалась она в своём деле сполна употреблять особые, только ей ведомые сакральные слова и ритуалы. Старая повитуха в глубине души верила, что, давая жизнь новому существу, роженица переставала существовать, как просто человек. Она сама возрождалась уже, как плодородная мати. И, конечно, это был совершенно особый момент в её земной жизни, берущий истоки в чём-то древнем, неведомо-магическом. И, чувствуя это, повитуха старалась сдобрить роды христианской символикой, соблюдая этот обряд при появлении каждого, принятого ею на свет младенца. Материнство для Лизаветы давно стало священным понятием, а беременность и роды наиважнейшими периодами в жизни женщины. Согласно народной традиции повивалка искренне верила, что является посланницей Божьей Матери при беременной и с готовностью соблюдала свои обязанности. При этом (что греха таить?) чуток хитрила, стараясь придать побольше загадочности появлению на свет нового создания, человека, которого прежде не существовало.

Уже несколько суток и до этого ходила Аннушка по светёлке в одной сорочке, что соответствовало прабабкиному «раздеванию» беременной. И серёжки и кольца удалили в шкатулку.

Этой же ночью Лизавета открыла в избе всё, что было заперто: сундуки и окна, двери и печные заслонки, даже в кладовке и чулане были распахнуты лари и шкафы. Всё, что завязано и застёгнуто, развязывалось и расстёгивалось. Пряжки и пуговицы, пояса и всевозможные узелки-узелочки. Бабка шныряла по избушке, приговаривала: «Кована дверь, железны ворота, отоприте засов. Каменна гора, золотые купола, святые кресты, Господи, благослови, воды проткни, роды начни, кого Бог даёт. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Порядком подустав, уселась она на сундук, размышляя вслух: «Ну, коли дело наперекосяк пойдёт, прикажу Митрию, хоть не ближен свет, а в церкву к отцу Макарию всё ж таки слетать. Пушай не прогневаётся, откроит уж и Царские ворота, как испокон веку повелось». Загодя попросила она у правнуков прощения, коли в чём обидела, и они, по неписанному закону ответили тем же. Вот и ладно... Вот и хорошо...

Повивальница вынула из печи чугунок с утомившимися травами, отнесла в баньку и только потом отправилась во светёлку. Всё это время она прислушивалась к нарастающим стонам правнучки.

Переступив, наконец, порог светёлки, повитуха поклонилась: «Помогай Бог трудиться!» Осмотрела Аннушку, оценила положение дел и поспешила растворить окно. Зажгла Пасхальную свечу у иконы, что стояла на тесовой полочке в головах правнучкиной постели. Подала Аннушке испить крещенской водицы и принялась расплетать роженице косу.

Ане не сиделось на месте. Поддерживаемая бабкой, бедняжка ходила из угла в угол, хваталась за поясицу и охала. Повитуха массировала «болезной» смазанную заячью желчью поясицу; руками, перепачканными козьим салом и соком пырея, гладила по животу, приговаривала: «Христос родился, и мы младенца ждём. Аминь». Выждав время, подала роженице кружку с водой, в которой заранее сварила два яйца, на доньшке чернели угольки. Аннушка с недоверием взглянула на питьё, но перечить не стала, не до того. Хоть бы что-нибудь помогло снять разламывающую спину боль.

- Испей, милая, не сумливайся, - подтолкнула бабка Аннушку.

Покуда в бане протапливалась печурка, Лизка тщательно (не дай Бог, какой упустит!) собирала в миску выскакивающие из неё угольки. Этой-то «водой с углей» и поила повитуха Анюту, надеясь облегчить предродовые страдания и «выкликнуть младенца».

Наконец, решив, что время не терпит, пора перебираться в баню, бабка трижды обвела босую Аню вокруг стола, перекрестившись, напоследок поклонилась на образа, и, перевалив кое-как порог, остановилась.

- Повторяй, Аннушка, за мною во след:

«Стану, благославлясь, пойду перекрестясь,
Из избы дверьми, из двора воротами,
Во чистое поле, во синее море.
Есть там у Христа на престоле
сидит Пресвятая Матерь Богородица,
держит золотые ключи,
отмыкает мясные ларцы,
отпускает младенца из плоти, из утробы;
отпускает младенца из плоти, из горячей крови,
чтобы не чують ни щипоты, ни ломоты, аминь».

С божьей помощью, преодолевая схватки, Аня следовала за бабкиными словами.

Закончив обряд, двинулись в «сомлевшую парильню».

Завидев правнука с непоспевавшей за ним Митривной, Лизка отвлеклась на мгновение от роженицы.

-Тебе там на столе кушанье приготовлено. Приступай. Да смотри у меня! Всё до крошки подчисти, а не то будешь знать, как старших не слушать!- крикнула повитуха Мите и поманила Митривну, - поспешай, кумушка, недосуг теперя. Ай, забыла, как помогала мне?

На пороге бани Лизавета вынула из кармана фартука два крошечных корешка. Подоспевшая Митривна, на удивление Аннушки, затянула:

«Коли б знала баба,
Что такое одолень-трава, вшивала бы в пояс
И носила б на себе...»

Лизавета протянула Аннушке наговоренные корешки.

- Съешь, девонька, полегчает.

- Не помереть бы, очень уж невзрачные, - только и промолвила роженица.

- Пустое, милая. Травка-то, одоленюшка, знатная, кувшинка белая. Не одна баба испытала её вспоможенье.

Добрались, наконец, до парной. Полки и пол её Лизавета устелила сеном. Дохнуло мятным квасом, анисом. Баба, оставив Аннушку в одной рубахе передохнуть на скамье, окропила святой водой углы и стены баньки, окурила ладаном, приговаривая:

«Распротай, Господи, одну душу грешную, а другую безгрешную. Отпусти, Господи, душу на покаяние, а младенца на крест».

Бедной Аннушке было не до удивлений, не до бабкиных присказок.

- Протяни, голубка, руку к подоконнику. На ём коробочек с чисточетверговой солью. Положи щепоть в рот, глядишь, поотпустит, - посоветовала повивалка. Сама же кружила вокруг Аннушки, выкрикивая:

«Отпирайте! Отпирайте! Отперли! Отперли!

Запрягайте! Запрягайте! Поезжайте! Поезжайте!

Поехали! Поехали! Едут! Едут!»

Аннушка застонала так неистово, что бабка заторопилась, подскочила к бадейке, стоявшей на припечке, плеснула в неё водицы речной из ведёрка, которое обновила ранёхонько по утру, набирая, как полагается, горстями да по течению, присчитывая: «Не одна, не две, не три...не девять». Погрузив в ведро правую руку и, зачерпнув там опять же горстью воду, повитуха слила её по руке через правый локоть в ушат, приговаривая: «Как вода на локте не держится, так на рабе Божьей на Аннушке – ни уроки, ни призоры не держитесь!» Оставшуюся в ушате воду бабка вылила на голову роженице. Наполнив ковшик настоем из цветков ржи, склонилась над ним так низко, что Аня сквозь усиливающиеся схватки едва различила:

«Во имя Отца и сына и Святого духа.

Из города Иерусалима идёт Иисус Христос.

Мати родила сына Иисуса Христа,

Ни болевши, ни стонавши и люди

Не слыхавши. Так бы роженице

Божьей Анне родить младенца

Ни стонавши, ни болевши и люди не слыхавши!»

Повивалка поднесла наговорённую воду правнучке. Аня, содрогаясь от боли, стуча зубами о ковшик и разливая на рубаху воду, с горем пополам выпила до дна. Лизавета подтолкнула её склониться, опереться о полоч.

Схватки следовали одна за другой, Аннушка не успевала их контролировать, беспрестанно кричала от нарастающей боли. Тогда

повивалка, не долго думая, положила одну руку на слипшиеся правнучкины волосы, на самую макушку, а другой, схватив с каменьев прокалённый кухонный нож, чтобы пресечь чрезмерные боли, завжикала им над головой роженицы. Подхватив пучок Аниных волос, бабка поднесла их ко рту бедняжки: «Зажми меж зубов, милая! Погоди чуток, не тужься, поягай!»

Поддерживая под локотки, повитуха и Митривна уложили роженицу на полок. Лизка принялась растирать, хлестать её берёзовым веником, а кума Митривна подпевать:

«Идёт красна девка с сухим веником.

Тушит-гасит банную нечисть – все сухватки и боли!

Как у этого веника листки опадут,
так и сухватки и боли пропадут!»

На минутку другую оставляла Лизавета роженицу в покое, плескала по три раза на каменку воду, настоянную на капустном листе да луковой шелухе и принималась за своё:

«Мою я рабу Божию Аннушку во жару, во пару!

Как идёт из каменки жар, а из дымника пар,

Так бы сходили бы рабы Божьей Аннушки все скорби и боли!»

И опять поднесла Митривна Ане какое-то питьё. Бедняга приняла и его. Только видать не пошло то зелье впрок, вывернуло всю душечку на изнанку.

- Отравить меня вздумали, старые, - закричала, не помня себя Аннушка.

- Господь с тобою, страдалица! Всё тебе на помочь! – не дрогнула повивалка. Зажгла свечу, припасённую с Велика Дня: - Пока свеча догорит, тут и родишь!

И в два голоса завели Анины спасительницы самую крайнюю, самую важную молитву: «...бабушка Соломонида, приложи рученьки, приложи рученьки рабе Божьей Анне!»

Влетев в горенку, Митя обнаружил на столе испеченный накануне хлеб, щедро нарезанную краюху. Ломти её круто посыпаны крупнозернистой солью, от души намазаны забористой горчицей, сполна сдобрены ядрёным хреном. Кроме непривычных бутербродов Митя ничего не обнаружил. «Вот так обедец! Ну и бабка!» - подивился будущий отец, уселся за стол и принялся за горькую трапезу. Что поделать? Сейчас он находился во власти повитухи. Прикажет та землю есть - даже не моргнёт, за милую душу съест, да ещё попросит, только бы хоть чем-нибудь облегчить страдания измученной жены.

Как и предвидела повивалка, на исходе свечи Аннушка разрешилась девочкой. Для этого момента приготовила Лизка чистую, но уже не новую Митину рубаху. Подхватила на неё младенца, передала Митривне. А сама, отмерив расстояние в три пальца от крохотного животика, подложив доску от прялки, не робея, резанула. Взяла собранные заранее с Аниной расчёски волосы и, нащёптывая неведомые даже Митривне заговоры, перевязала ими пуповину. Веря, что через неё можно нанести вред и матери, и ребёнку, бабка

никому не доверяла и каждый раз собственноручно относила пуповину на Божницу. Топорище, заготовленное на тот случай, коли Аннушки Господь пошлёт мальчонку, и пуповину придётся обрезать на нём, за ненадобностью Лизвета задвинули под полок, прошептав вслед: «Погодь, милоч, авось через пару годков пригодится».

Митя, вышагивавший с утра не счесть какие круги по подворью, услышав детский плач, перекрестился: «Слава тебе, Боже! – Подивился: - а голос-то, голос какой!»

Уложив новорожденную на полотенце, повитуха поднесла ребёнка к матери.

- Погляди, мамонька, на дитятко. И рученьки целы, и ноженьки, - доложила Лизка, подходя к Аннушке поближе, чтобы та смогла заглянуть малышке в глазки, устанавливая в этот момент неразрывную духовную связь между матерью и её ребёнком.

Аннушка чуть заметно улыбнулась. Обессилевшие руки её не могли дотянуться до малышки. Повитуха на минутку положила новорожденную рядом. По щекам молодой матери текли слёзы. Не родовые, вымученные нестерпимой болью, а счастливые, слёзы женщины, только что взглянувшей на своего первенца.

Наконец, прикрыв Аннушку простынью и оставив до поры отдыхать, бабки занялись ребёнком.

Митривна безропотно следовала Лизкиным указаниям. Да она и сама, «ассистируя» повитухе неведомо какой раз, немало помнила, могла бы стать знатной повитухой. Но, как полагалось, повивалка в округе должна быть только одна. А потому Митривна на рожон не лезла, доброту знала дело при своей куме, повитухе Лизке. Та и оглянуться не успела, как её помощница подготовила всё необходимое, чтобы очистить дитя от «родовой скверны», защитить от нечистой силы и сглаза.

Прежде чем новорожденную уложили на соседний с матерью полк и начали парить, бабка, склонилась над животиком ребёнка, выговаривая у него грыжу:

«Стану я благословясь, выйду я, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чисто поле. В чистом поле океан-море. В океане–море синий камень, под синим камнем синяя щука, защипывает и закусывает двенадцать грыж...» Больное место, а для профилактики и все остальные, в которых могла находиться грыжа, повитуха покрыла платком, и легонько поприкусывала, «изгрызла»: «Грыжу загрызаю, родимую грыжу на родимом месте: головную, сердцевую, пуповую, паховую. Не дам загрызгать, не дам заедать ни медведям, ни волкам, ни третьим – собакам».

На каждую минутку родов повитуха знала свою молитву, свою присказку или наговор. В полудрёме слушала обессилевшая Аннушка её ласковое воркованье:

«Бабушка Соломоньюшка Христа парила да и нам парку оставила. Господи, благослови! Ручки, растите, толстейте, ядренейте; ножки, ходите, своё тело носите; язык, говори, свою голову корми».

Митривна хлопотала вокруг, подпевала в лад:

«Бабушка Соломоньюшка парила и правила, у Бога милости просила. Не будь седун, будь ходун; банюшки-парушки слушай. Не слушай ни уроков, ни причищев, ни урочищев, ни от худых, ни от добрых, ни от девок пустозвонных. Живи, да толстей, да ядреней».

Смазав руки душистым маслицем, настоянном на купальских травах, повивалка уложила ребёночка на спинку, перекрестилась три раза и начала «править», «перепекать» тельце новорожденной. Привязав её к хлебной лопате, повитуха задвинула малышку в тёплую печь, что сложена была на такой случай в предбаннике.

- Пущай чуток дозреет в том миру, из которого появилась, - пояснила бабка.

Слава Богу, Аня находилась в тот час в полузабытьи, не видела, как «лепила» бабка её долгожданное дитячко. Вынув ребёнка из печи, повитуха уверенными движениями придавала нужную форму крошечной головке её дочери, разминала косточки, вытягивала тельце, распрямляла ручки, ножки. Нашупав в кармане заготовленные серебряные монетки, Лизка уложила их новорожденной праправнучке на глазки, чтобы те «открылись», а чтоб слух «пробудить», не страшась, подняла младенца за уши. Уложив ребёнка к себе на колени, не робея, что повредит, бабка уверенными движениями соединила за спинкой младенчика указательный палец левой руки и правой ноги. Обычно она выполняла эту процедуру дважды в день всю неделю после рождения ребёнка, пока не удавалось добиться необходимой гибкости.

Митривна подала повитухе нож, и та, чикнув воздух меж крохотных ножек, разрешила невидимые пути, якобы стягивавшие ножки ребёнка.

Приподняв девочку над полком, повитуха бережно встряхнула её, дотошно осмотрела со всех сторон и, довольно улыбнувшись, заявила: «Ну, вот и расправлена, теперь уродкой не будешь, девица ты наша красная!»

Она знала наверняка, что Бог дал душу ребёночку в тот момент, когда малыш делал первые движения в утробе матери. Ни одной, даже крохотной, только зачавшейся душечки, не сгубила она на своём веку. Собирая спелые травы в ночь на Ивана Купала, Лизавета обходила стороной, чтобы даже не было соблазна, те, которые способствовали избавлению от беременности. Ни одну бабу спровадила она с порога, выговорив во след: «Об чём ране-то думала, греховодница, али не знала от чего брюхатеют? Ишь чего захотела шкодница! Стану я из-за похотницы Ангелу-хранителю перечить. Коли выполнил он Божью волю, мне только помогать ему остаётся. Поди прочь! И думать не думывай!»

Любопытная Митривна, чтобы Аня не расслышала, подступилась к повитухе поближе.

- Приглядись, приглядись, матушка, что там младенчику на судьбе-то прописано.

- Судьбу на телеге не объедешь, - проворчала на помощницу повивалка, - что будет, то будет, того не минуешь, - не любила она этих вопросов.

Лизка знала, что человек имеет только одну судьбу, что она записана Господом в его книге и не может быть никем изменена. Верила она и в то, что прогневавшие Господа родители уготовливают плохую судьбину своему детищу. Добропорядочных же Всевышний награждает счастливыми детками.

Чтобы кума не держала на сердце обиды за резкие слова, повитуха сжалилась-таки, рекла: «Сама знаешь: урожай поспел, осень у порога, благодатное время для родов. Знать, и судьба у девчушки задастся. Да к тому же до полудня управились, на подъёме солнечном. Тожить неплохой знак. Опять же «в рубашке» не каждый рождается. Верится мне, что всё у неё сложится, как надо»

Чтобы уберечь праправнучку от детских болезней, голая повитуха с голым ребёнком на руках, произнося заклинания, трижды обошла вокруг бани.

После бабкиной «правки» малышка накричалась, устала и уснула. Митривна спеленала её крепко-накрепко, так, что крохотные щёчки малиновыми яблочками лежали на белоснежной косынке. Ребёнка опоясали свивальнем и оставили на жёстком полке, не подостлав ничего кроме сена.

Воду, которой обмывали малышку, вылили снаружи избы на тот её угол, в котором у Лизаветы располагался иконостас. Старались плеснуть повыше, чтобы из новорожденной выросла статная девушка.

Настал Аннушкин черёд.

- Просыпайся, милая, пора мыться - повивалка тронула правнучку за руку.

- Да я и не спала вовсе, придрёмывала только.

Хлопотная Митривна уже тащила бадейку с замоченными травяными венками. Пахнуло настоем ромашки, тысячелистника, зверобоя.

Повитуха, выхватывая поочерёдно из парящей бадьи то один, то другой, хлестала ими роженицу из последних старушечьих сил. А потом, давая Аннушке передохнуть, вынула из домотканого полотенца краюху, приступила к заговору:

«Как на хлеб на соль и на камушек ничто не приходит, так бы и на рабицу Божию Анну ничто не приходило: ни порчи, ни прикосы, ни озеы, ни оговоры и никакие скорби. Поставлю я кругом тебя тын железный от земли до неба, от востоку до запада».

Закончив, положила краюху Аннушке за пазуху, под чистую рубаху, в которую её помощница успела облачить роженицу. Затворив двери снаружи и распахнув парилку, в предбаннике снова растопили печку. Теперь в топке полыхал можжевеловый сушняк. Сверху на него навалили зелёного лапника, и по бане поплыл терпкий запах свежести, бодрости, молодости и новизны. Обычно сразу после родов повитуха окуривала и женщину, и ребёнка можжевеловыми дымами.

Из погреба принесла Лизавета глыбочку льда, завернув в рушник, уложила на Аннушкин живот, приставила к роженице Митривну, наказав не упустить время, не застудить маманьку. Заварила свежий чай из венерина башмачка да подмаренника, напоила страдальицу, и та, наконец-то, затихла, уснула.

Выйдя из баньки, Лизавета поманила заждавшегося Митю.

- Ну, Митрий, с Божьей помощью разрешилась Аннушка. С новорожденной тебя! С дочерью, значит! Не шибко тоскуй, сначала - нянька, потом – лялька.

- Вот и я так думаю. Ещё сыновей-то нарожаем! – захорохорился правнук.

- Ишь, рожальщик нашёлся! – усмехнулась бабка. - Пожалела я тебя, хренком-горчичкой накормила, а надоть было, как в старинку: баба мучается, в руках верёвочку держит, не выпускает, а та-та верёвочка к игрушке мужниной, чем сынов строгоют, привязана. Жена в муках корчится, и мужу не сладко. А то ить моду взяли: им, значить, малина, а жёнам кислица!

- Да это я от радости, бабуль! Что ты в самом деле! – засмутился Дмитрий.

- Ну, коли так, прощаю, - улыбнулась Лизавета, - давай-ка к Петровне рысью. Люлька моя у ей зажилась. Внучка ихняя уж кой год бёгом бегаёт. За ненадобностью вещица простаивает. А нам в аккурат ко времени.

В матицу, поближе к печке, лет семьдесят назад, а то и более, вкрутили по указанию Лизаветы выкованное кузнецом Данилой кольцо. Сколько раз на бабкином веку подвешивалась к нему люлька – не счесть, как не счесть и деток, принятых руками древней повитухи.

Может быть, последний раз довелось ей присутствовать при извечном чуде – появлении на свет младенца. И случай этот особый, редкостный. Ребёночек – праправнучка!

На другой день, обустроив колыбельку, и переведя Аннушку в горницу, бабка достала из сундука Святцы, и, напялив (для пущей зоркости) одни очки на другие, погрузилась в чтение. Спустя некоторое время, приняв, вероятно, для себя решение, повела с молодыми родителями беседу.

- Ну, и как же вы девицу наречёте? Задумывались, ай нет?

- Митя ни как не определится, каждый час новое имя предлагает, а я так думаю: Елизавета, - твёрдо заявила Аннушка. - Обязана я тебе, баба Лиза. Спасительница ты моя, в твою честь и девчушку назовём.

- Оно, конечно, спасибо, уважили старую. Только народ мы православный, и не след от отцовских обычаев отступаться. В праздник малышка рождена. Чтимы в день её появления на свет Божий, тридцатого сентября, Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья. Одно из этих имён и выбрать следует.

- Тогда и размышлять нечего – Любовь, - заспешил Митя.

- Ну, что же, так тому и быть! Сильное имя, обязывающее. Всё в мире и сам этот мир, появились по великой любви. Пусть будет на земле нашей грешной её как можно больше... Да с крещением-то не запаздывайте! Всё спокойней, коли дитячко Ангелом-хранителем защищено.

Через неделю Аннушка, Митя и маленькая Любаша распрощались со старой повитухой. Всё это время они уговаривали переехать Лизавету к ним, но несговорная бабка твердила одно: «А вдруг я ещё кому понадобится? Вдруг кто рожать вздумает, а меня на месте не окажется?» «Ну, разве Митривна с Петровной без тебя не разродятся!» - настаивал, подшучивая, правнук. Но коли Лизавета что задумала, так ничем её уж не сговорить.

На второй день Рождества, в Собор Пресвятой Богородицы, прикатили они, как и обещали, к Лизавете в гости, на профессиональный повитушечий праздник, на «Бабьи каши». Навезли ей пирогов и всяческих подарков. А самый главный – икону Богородицы «Помощь в родах».

Гоняли чай под хруст январского морозца и беспристанное гулюканье Любашки. Баба Лиза в этот день была, как никогда, разговорчива и поведала молодым, как бывало на Бабин день ещё до восхода солнца обходила она всех маленьких деток, рождению которых она помогала. Окропляла их Святой водой, смазывала лобики елеем и мёдом, чтобы жизнь была сладкой, благословляла. А потом в повитухиной хате гуляло широкое застолье, настоящее веселье, на котором бабку-повивалку в корзине мужики носили на речку, где она мылась в полынье, «очищалась», готовилась принимать новых младенцев.

Лизавета опытным глазом сразу уловила: дитё у правнуков растёт крепеньким, здоровым. Обвязала девочку льняной верёвочкой-пояском.

- Как поясок длинён, так жить тебе; как поясок белой, так быть тебе; рая видать, а в горестях не бывать!.. Ну, теперь и отойти можно, - заявила спокойно бабка.

- На какой это покой ты собралась? А Любашку кто замуж сготовит? – запротестовала Аннушка.

- Зажилась я, милаи... Дак я смерти-то не боюсь...

Верно ли, нет, только сказывают, что на том свете повитуха не понесёт тех испытаний, что предназначены грешным людям, потому что за неё молятся ею принятые дети, и Бог снисходит к тем молитвам.

